

4.1. РУССКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ¹

Просветитель — важная ипостась деятельности русского ученого, еще одна сторона этой поистине универсальной личности. В просветительской деятельности Лихачева получила выражение настоятельная потребность активно влиять на процессы современной ему культуры, нравственный уровень общества. Просветительная направленность в творчестве Дмитрия Сергеевича оказалась столь сильна, что просматривается даже в самом понимании Лихачевым науки, ее целей и задач. Труды академика воплощают его убеждение в том, что наука и культура должны быть органичной частью жизни общества, определять его сознание, служить гуманистическим идеалам. Просветительская деятельность ученого отражает его веру в существование особой миссии российской интеллигенции, русской культуры в целом. **Академик Лихачев — наследник и продолжатель традиций русского просветительства. Вместе с тем в его деятельности явно воплощены идеи и принципы Просвещения европейского.**

Обращение к просветительским идеям, получившим выражение в трудах и выступлениях Д. С. Лихачева, показывает, что ученый, по существу, открывает новый этап этого вида деятельности — **просветительство эпохи глобальной культуры. Им создается новый синтетический блок научных оснований, объединяющий разные по исторической и культурной принадлежности идеи, и новый тип методик, интегрирующих рационализм европейской просветительской школы и яркую нравственную ориентацию отечественного просветительства.**

Анализ библиографии трудов Д. С. Лихачева показывает удивительную интенсивность, масштабность его просветительской деятельности и позволяет выявить специфику ее направленности. Здесь и сугубо исследовательские работы, и научно-популярные статьи, и публицистические очерки, и публичные выступления, и интервью. В публикациях ученого утверждается значимость, непреходящая историческая и духовная ценность древнерусского культурного наследия, отстаивается необходимость сохранения памятников истории и архитектуры, развития «малых городов», ведется проповедь добра...²

О просветительской работе Д. С. Лихачева немало писали коллеги ученого по Пушкинскому Дому³. Ее фактология была затронута в материале С. О. Шмидта «Д. С. Лихачев и практика сохранения историко-культурного наследия России»⁴. Эти публикации, как и другие многочисленные заметки мемуарного характера, могут быть материалом для научного осмысления. Едва ли не единственной попыткой научного анализа данного аспекта деятельности Дмитрия Сергеевича до сих пор остается доклад профессора СПбГУП Г. М. Бирженюка на II Международных Лихачевских научных чтениях «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева», в котором впервые была предпринята попытка сформулировать основные направления просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича в соотношении ее с философией и мировоззрением европейского и русского Просвещения⁵. Однако этим аспектом суть феномена лихачевского просветительства, разумеется, не исчерпывается.

¹ Раздел написан в соавторстве с доцентом СПбГУП А. В. Карповым.

² См. например: Я вспоминаю... М.: Прогресс, 1991; Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992; *Лихачев Д. С.* Письма о добром. СПб.: Русско-Балтийский инф. центр БЛИЦ, 1999 и др.

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. СПб.: Logos, 2006.

⁴ Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д. С. Лихачева: матер. науч. сессии Отделения историко-филологических наук РАН. Москва, 20 декабря 2006 г. / отв. ред. А. П. Деревянко. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 10–25.

⁵ *Бирженюк Г. М.* Д. С. Лихачев как просветитель // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II Международные Лихачевские научные чтения, 23–24 мая 2002 г. / СПбГУП. СПб., 2003. С. 23–27.

Прежде всего, следует отметить, что **термин «просвещение» в современном русском языке может означать два разных понятия: вид человеческой деятельности (просветительство) и конкретную эпоху европейской истории (Просвещение).**

Просветительство как деятельность было свойственно различным периодам истории культуры, различным эпохам⁶. Основное назначение просветительства, главная его функция — распространение опыта и знаний. О просветительстве говорят, характеризуя культурно-познавательную и научно-образовательную активность государства и его институтов, общественных движений и групп, отдельных личностей просветителей. Именно в этом смысле мы можем говорить, к примеру, о деятельности Русской православной церкви, революционно-демократических кружков второй половины XIX века, просветительных обществ в России начала XX века и т. д.

В свою очередь, просветительство имеет две разновидности. Первая представляет собой **научно-популярное просветительство**, передачу знаний о достижениях науки и техники, о сущности философско-мировоззренческих учений, адаптированных к тому, что принято называть «средним уровнем образованности» человека и т. д. По существу, речь идет о демократизации знаний. Вторая разновидность — это **просветительство духовно-нравственного характера**, целью которого является духовное преобразование личности сообразно определенному нравственному идеалу.

В ином (нежели деятельность) значении Просвещение — это конкретный этап европейской культурной истории XVIII века, характеризующийся рядом особенностей: энциклопедизм, антропоцентризм, просветительский рационализм, антиметафизичность, общечеловечность и т. д.⁷ Общим местом сегодня стало понимание Просвещения как рационалистического по сути типа культуры. Известно, что исторической миссией Просвещения было утверждение определяющей роли Разума, противопоставленного религиозному культу. Просвещение как историческая эпоха отличается активностью, критическим отношением к действительности в сочетании с наличием позитивной программы переустройства, совершенствования мира на основе Разума. Это породило философичность и дидактизм культуры данной эпохи.

Несмотря на различие понятий эпохи Просвещения и просветительской деятельности, они взаимообусловлены, что обстоятельно исследовано В. Ф. Пустарнаковым⁸. Для эпохи Просвещения характерно идеализированное мировоззрение, сочетающее утопические представления и яркие реалистические идеи. С точки зрения упомянутого ученого, сущностной чертой философии классического Просвещения является **примат ценностного над познавательным**. Характерно, что предтеча Просвещения,

⁶ См. например: *Поletaева Л. Г.* Литературно-просветительская деятельность декабристов в Забайкалье. Чита: Читинский гос. ун-т, 2006; *Софронов В. Ю.* Три века сибирского миссионерства. Тобольск: Тобольский гос. пед. ин-т, 2005. Ч. 3: Духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX в.); *Щукин Д. С.* Государственная и просветительская деятельность Николая Петровича Румянцева конца XVIII — первой четверти XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2005; *Ткалич А. И.* Просветительская деятельность Русской православной церкви на Крайнем Северо-Востоке в досоветский период: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Моск. гос. ун-т культуры. М., 1999; *Софронова Л. В.* Просветительская деятельность Джона Колета и его роль в гуманистическом движении Англии накануне реформации (конец XV — начало XVI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1992; *Суховерхов В. В.* Г. М. де Ховельянос как просветитель: Из истории испанской просветительской и либеральной мысли второй половины XVIII — начала XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / МГУ. М., 2002; *Луценко А. В.* Александр Богданов как политик, ученый, просветитель, основоположник методологии системного анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Томский гос. пед. ун-т. Томск, 2000; *Некрасов С. М.* Апостол добра. Повествование о Н. И. Новикове. М.: Русский путь, 1994 и др.

⁷ См. например: *Другач Т. Б.* Философия французского Просвещения XVIII века // История философии: Запад–Россия–Восток. М.: Ин-т философии РАН, 1996. Кн. 2; *Моряков В. И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. (Из истории общественно-политической мысли России). М.: Наука, 1994; *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2005; *Европейское Просвещение и цивилизация России* / отв. ред.: С. Я. Карп, С. А. Мезин. М.: Наука, 2004; *Человек эпохи Просвещения* / отв. ред. Г. С. Кучеренко. М.: Наука, 1999; *Мигунов А. Н.* Феномен русского Просвещения. СПб.: Изд-во Смольного университета, 1999; *Касан М. С.* Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. Кн. 2; *Якимович А.* Новое время. Искусство и культура XVII–XVIII веков. СПб.: Азбука-классика, 2004.

⁸ *Пустарнаков В. Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа / Ин-т философии РАН. М., 2001.

ренессансный гуманист Петрарка руководствовался максимой: «Лучше хотеть добра, чем знать истину», согласно которой знания должны быть не просто связаны с моралью, но подчинены ей⁹. Аналогичных взглядов придерживались и мыслители эпохи Просвещения. К примеру, у Вольтера есть тезис: «Добродетель ценнее знаний»¹⁰. Иными словами, вознося роль науки, знания, образованности, идеологи Просвещения все же считали необходимым ставить их под контроль морали, в контекст ценностных иерархий, сообразно своим представлениям о высших целях человека и общества.

Науку, знание, образование мыслители эпохи Просвещения ценили не самих по себе, а лишь постольку, поскольку наука, знание, образование в конечном счете оказывались полезны человеку, могли служить его счастью. **Высшим ценностным критерием для Просвещения стал человек**, его природа, благо, счастье. Исходная и главная аксиологическая установка мировоззрения этой эпохи — антропоцентризм; в это время главной составной частью просветительской доктрины становится антропология — учение о человеке. Философия Просвещения проявляет антиметафизичность и практическую направленность, будучи неразрывно связана с моралью, политикой, юриспруденцией, с практикой общественной жизни. Фундаментальными категориями просветительской идеологии становятся свобода и равенство¹¹.

Деятели эпохи Просвещения намеревались «открыть человечеству дорогу к лучшему будущему, построить разумное общество на основах добра и справедливости»¹². Однако им было суждено сыграть несколько иную роль в истории культуры, ибо «чем логичней стремились быть писатели и философы, тем иррациональней становилась жизнь, творчество, теории»¹³.

Состоялась ли эпоха Просвещения в России и наследовал ли ей Дмитрий Лихачев? В. Ф. Пустарнаков отвечает на этот вопрос положительно и обосновывает как время русского Просвещения период 1840–1860-х годов, наиболее точно соответствующий классической французской модели, хотя предыстория русского Просвещения началась на рубеже XVII–XVIII века. Тогда в России появились первые буржуазные идеи, сходные с ренессансно-гуманистическими концепциями общественной мысли Франции: естественным правом, общественным договором, просвещенным абсолютизмом, а также идеи в духе классической философской рационалистической метафизики XVII века. Непосредственным прологом русского Просвещения можно считать вторую половину XVIII века, когда в Россию «стали проникать сочинения и идеи классиков западноевропейского Просвещения Локка, Вольтера, Монтескье, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Руссо и других, оказавших в той или иной степени влияние на все основные течения тогдашней русской мысли вплоть до официальной идеологии самодержавия (Екатерина II)»¹⁴.

Наиболее яркой фигурой отечественного Просвещения считается А. И. Герцен, который к 1848 году типологически был уже настоящим русским просветителем. Преодолев изначальную двойственность своих устремлений к «дневному свету» разума и к «лунному свету мистического откровения»¹⁵, то есть противоречие рационалистически-просветительского и религиозно-романтического начал, Герцен переходит в конце 1830-х годов на «западнические» позиции, а точнее — на позиции Просвещения. Типичный для Просвещения лозунг «Да здравствует разум!», установка на то, чтобы все понять, все осмыслить «через горнило сознания», стали основой его деятельности. Особенно отчетливо соответствующие воззрения А. И. Герцена проявились в его трактовках таких

⁹ Петрарка Ф. Письма / пер. с лат. В. В. Библихина. СПб.: Наука, 2004.

¹⁰ Вольтер. Бог и люди. М., 1961. Т. 2. С. 39.

¹¹ См.: Пустарнаков В. Ф. Указ. соч. С. 46–142.

¹² Строев А. Те, кто поправляет Фортуна: авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Пустарнаков В. Ф. Указ. соч. С. 143–144.

¹⁵ Цит. по кн.: Там же. С. 201.

проблем, как великое единство развития рода человеческого; Восток–Азия–Запад, Европа–Россия; личность как вершина исторического мира, разумный эгоизм. В эти годы Герцен активно использует типичную для Просвещения терминологию: «естественное»–«неестественное», «искусственное» и т. д.

Однако существенно ранее западно ориентированного российского просветительства, а затем параллельно ему развивается сугубо отечественная традиция, связанная прежде всего с проповеднической деятельностью.

Первым в ряду деятелей этого направления следует назвать преподобного Сергия Радонежского. Как отмечал Д. С. Лихачев: «"Горнего града граждан и вышнего Иерусалима жителин" Сергий Радонежский постоянно вмешивается в политическую жизнь Руси. Сергий пользуется своим нравственным авторитетом для поддержки московского великого князя. По одному его слову, чтобы оказать давление на нижегородцев, затворяют все церкви в Нижнем Новгороде. Он подчиняет политике Москвы Рязанское княжество. Он благословляет Дмитрия Донского на борьбу с Ордой за независимость Руси»¹⁶.

Сергий Радонежский — крупная духовная фигура отечественной истории. Именно игумену Радонежскому принадлежит утверждение на Руси новой идеи личности, отражающей гуманистический дух русского Предвозрождения, которое было столь непохоже на западное, хотя во многом с ним и перекликалось. **Главный смысл этой новой идеи личности заключался в обожествлении человека и мира, в возвышении человека, в признании его духовного величия.** Так воплотилась глубокая вера в неиссякаемые возможности человека, выраженная в стилистике мышления того времени. Духовная деятельность Сергия Радонежского в этом направлении сформировала целую эпоху отечественной культуры. Как писал известный русский философ Г. П. Федотов: «От мистики до политики огромный шаг, но преп. Сергий сделал его, как сделал шаг от отшельничества к общежитию, отдавая свое духовное благо для братьев своих, для русской земли. <...> Преп. Сергий <...> представляется нам гармоническим выразителем русского идеала святости, несмотря на заострение обоих полярных концов ее: мистического и политического. Мистик и политик, отшельник и кинобит совместились в его благодатной полноте»¹⁷. В лице Сергия российская культура получила **тип просветителя-проповедника духовного служения**, основу которого составили идеи любви к ближнему, милосердия, терпимости, мирскости и соборности, уважения к светской и религиозной власти и т. п.

Другим примером русского просветителя-проповедника можно назвать митрополита Антония Сурожского — одного из замечательных мыслителей современности. Будучи экзархом Московского Патриарха для Западной Европы, он являлся совершенно русским человеком по интересам и стилю мышления. Его труды объединены темой духовного бытия человека, его веры и призвания. Рассматривая философско-нравственные проблемы жизни и творчества, размышляя о наиболее сложных вопросах духовности в наше время, этот церковный деятель привнес в постиндустриальную эпоху новое, свежее миропонимание, широтой своей объемлющее множество аспектов современной жизни и приводящее их к гармонии. Не имея богословского образования, он стал одним из наиболее авторитетных православных мыслителей мира, почетным доктором двух университетов и двух православных духовных академий¹⁸.

Отечественная история свидетельствует, что **русских просветителей объединяли прежде всего энциклопедическая образованность, стремление создать целостный образ современного им мира, наиболее просто и ясно обрисовать своей аудитории**

¹⁶ Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 101.

¹⁷ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 151–152.

¹⁸ Епископ Керченский Иларион (Алфеев). Богословие митрополита Сурожского Антония в свете святоотеческого Предания [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.metropolit-anthony.org.ru/trudy/03.htm>. Загл. с экрана.

открывающиеся перед человеком пути возвращения в себе Человеческого начала, пути к свету знания. Подобная миссия не могла быть реализована на основе узкопрофессионального знания. Она требовала синтетичности, обращения ко многим областям знаний, объединяемого одной центральной идеей.

Отечественное просветительство — это просветительство прежде всего экзистенциальное, человеческое. Оно предполагает доверительность беседы, прямое общение личностей. Важная его грань — передача нравственного опыта от человека к человеку, соотнесение его с важнейшими реалиями современной жизни. Это — мужество, свобода, корректная критичность в отношении к современной культуре, политике, образу жизни, интерес к передовым тенденциям развития научного знания. Русский просветитель несет умение актуализовать важную идею, используя широкий пласт исторического материала, опираясь на богатейший опыт предшественников.

Именно таким просветителем и был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он обладал глубоким знанием русской литературы и русской культуры в целом, что позволяло ему выявлять национально значимые идеи и традиции, ценности и представления, сопоставлять и анализировать их. Такой опыт формировал «исторически поставленное» зрение, открывал возможность увидеть и выявить наиболее продуктивные и прогрессивные идеи для нашей современности и найти им актуальную форму.

Историк А. Зимин пишет, что «в своей культурно-цивилизационной истории **русский мир освоил опыт по крайней мере двух типов просвещения.** Первый из них, следуя традиции, можно и должно назвать *религиозным*. Второй — *светским*, научно-философским. Оба типа, как правило, сопутствовали, обогащая друг друга, но были в отечественной истории и периоды, когда светское просвещение практически растворялось в или, наоборот, радикально стремилось к секуляризации»¹⁹.

Примеры Сергия Радонежского и Антония Сурожского показывают, что просветительская деятельность на Руси нередко обретала **проповеднический** характер. Проповедь — **прямое обращение к сердцу слушателей, несущее в себе веру**, стремление не столько обогатить их новыми знаниями и фактами, сколько передать им определенные идеи, настроения, внушить убеждения, способные стать их нравственной «собственностью», направлять душевные устремления к Добру. Проповедь — это откровение авторитетной личности, порожденное ее стремлением указать собеседнику путь личного совершенствования и обретения верной жизненной позиции в сложных обстоятельствах. Проповедническая деятельность — это творчество, целью которого является более гармоничное устройство внутренней жизни слушателя, обретение им подлинной связи с обществом, поддержка человека в его наиболее возвышенных устремлениях.

В советский период по мере формализации культурной жизни общества данная традиция была во многом утеряна. Даже на центральном телевидении стали редкостью просто хорошие рассказчики, не говоря уже о проповедниках. Выступления мастеров живого слова уровня Ираклия Андроникова представляли собой исключение из правила. Лихачев вернул русскому просветительству эмоциональность и убедительность проповеди, доверие к Слову, основательно подорванное в предшествующие десятилетия бюрократившимися идеологическими структурами, официозной газетно-журнальной пропагандой, зачитывающими свои выступления по бумажке «вождями» и «лекторами» разного толка. Д. С. Лихачев вернул просветительству реальную силу, воздействующую на умы и души сограждан. Мировую славу и известность Дмитрия Сергеевича составили не только научная деятельность и защита памятников истории и культуры, но и «этическая проповедь в средствах массовой информации, принесящая ему доверие, популярность и авторитет»²⁰.

¹⁹ Зимин А. О двух типах просвещения на Руси // Высшее образование в России. 1997. № 2. С. 86.

²⁰ Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007. С. 324.

По всей видимости, Д. С. Лихачеву довелось стать просветителем особого типа — просветителем-проповедником. И в этом (наряду с масштабностью фигуры) — особенность лихачевского просветительства. С одной стороны, авторитет Дмитрия Сергеевича в обществе основывался на общеизвестном статусе ученого и интуитивно ощущаемой народом его принадлежности к великой российской культуре. Он выступал как бы от имени Культуры и Знания. Академик воплощал собой европейскую линию национального просветительства, органично вбирающую в себя антропоцентричность, энциклопедичность, интеллектуальную независимость. С другой — лихачевские тексты и выступления стали воплощением Веры, оказались неразрывно связаны с духовно-творческой традицией русского просветительства, которая по сути, а нередко и по форме была проповеднической деятельностью. Таким образом, в просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича знание не только сочеталось с четким этическим и нравственным самоопределением, но и усиливалось убежденностью, верой в исповедуемые ценности и идеалы.

В связи с этим нельзя не упомянуть интересный и до сих пор не объяснимый эпизод из биографии Д. С. Лихачева. К его 90-летию Д. М. Буланин, один из бывших сослуживцев, к тому же считавший себя чуть ли не его учеником, опубликовал статью, в которой назвал академика наставником, учителем жизни²¹, проповедником²². Казалось, автор этого текста считал свой труд комплиментарным. Лихачев же возразил Буланину, причем весьма жестко. Выяснилось, что сам Дмитрий Сергеевич категорически протестует против такого понимания его деятельности: «Все мои статьи имеют не “проповедническую” цель, а являются определенными *поступками* в борьбе за сохранение культуры...»²³

Еще ранее Д. С. Лихачев писал: «Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние годы приходится часто»²⁴. Таким образом, позицию академика можно считать принципиальной. Его возражения Д. М. Буланину заключались в противопоставлении проповеди и действия, поступка. Однако из работ Дмитрия Сергеевича вытекало, что в ряде случаев слово тоже может являться делом, поступком. И если Д. М. Буланин высказывался о проповеди как о бесполезном деле («Я не собираюсь обсуждать относительные достоинства нравственного учения Лихачева, и тем более эффективность его проповеди. Последнее вообще бесполезное дело: удивительное нежелание человечества перевоспитываться не остановило еще ни одного проповедника»²⁵), то это никого не обязывало с ним соглашаться. Тем более что откровенно иронизирующий в данных строках Буланин противоречил своим же тезисам из другой части этой работы. Однако поскольку иных объяснений Д. С. Лихачев нам не оставил, его мнение по данному вопросу приходится отнести к числу пока непонятых.

Видимо, негативную реакцию академика вызвал не столько текст Д. М. Буланина (хотя и текст этот при внимательном прочтении выглядит, возможно, недопустимо неуважительным), сколько подтекст либо контекст дискуссии, лежащий, разумеется, вне статьи.

Между тем понятие «проповедник» никогда не несло в русском языке сколь-нибудь негативного оттенка и не вступает по смыслу в противоречие с широко известными проявлениями духовных и практических устремлений Д. С. Лихачева, глубинной сутью его обращений к обществу. «Проповедовать — говорить всенародно, возвещать, провозглашать; поучать, взывать к слушателям речью, убеждая и наставляя»²⁶, — так

²¹ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 20.

²² Там же. С. 20–22.

²³ По поводу статьи Д. М. Буланина о Д. С. Лихачеве («Русская литература». 1997. № 1) // Звезда. 1998. № 3. С. 237; Лихачев Д. С. Проповедь или поступок? Ответ на юбилейное послание Д. М. Буланина // Русская литература. 1998. № 2. С. 212–213.

²⁴ Лихачев Д. С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. С. 143.

²⁵ Буланин Д. М. Указ. соч. С. 21.

²⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/search.xml?text=enc_abc&enc_abc=*&how=enc_abc_rev&encpage=dal. Загл. с экрана.

зафиксировано в словаре Владимира Даля. Проповедь, издавна понимаемая как жанр церковного ораторского искусства, часто трактуется сегодня вполне в светском духе, как этическая устремленность, как духовное поучение, как экзистенциальная категория.

В проповеди принято выделять несколько аспектов. Во-первых, глоссолалию — то есть способность знать и говорить то, что неведомо другим; во-вторых, пророческий аспект — то есть пророчество, предсказание о будущем; и, в-третьих, аспект дидактический, связанный с духовным поучением²⁷. Заметим, что Дмитрий Сергеевич, безусловно, был в ряде отношений уникальным носителем знания. В первую очередь знания о России, ее истории и культуре. Кроме того, просветительство Лихачева сближается с проповедничеством и своим стремлением к наставлению современников в русле приобщения к миру исторических традиций и гуманистических идеалов. Ведь смысл проповеди — прежде всего в утверждении нравственного начала в человеке.

Особенность лихачевского просветительства заключается в том, что нравственная составляющая является, во-первых, одним из ключевых аспектов анализа истории русской культуры, литературы, искусства; во-вторых, выступает как императив его общественно-просветительных устремлений. И в этом аспекте его просветительство приобретает характер проповедничества, утверждения в форме проповеди гуманистических ценностей культуры.

Нравственная ценность явлений культуры — один из ведущих критериев просветительской методологии Лихачева. Апеллируя в первую очередь к памятникам культуры, произведениям искусства, Дмитрий Сергеевич подчеркивал определяющую роль их нравственного содержания. «Благодаря нравственному началу, которое заключено в древней русской литературе, — пишет академик, — ее значение чрезвычайно велико именно сейчас. Любовь к родине, патриотизм также воспитывается на этом “укорочении расстояний”, на представлениях о конкретных живых людях, конкретном родном пейзаже, близком ощущении прошлого как своего прошлого, своей старины»²⁸. «Нравственная требовательность», как называет это свойство Д. С. Лихачев, литературы Древней Руси изумительна²⁹.

По мнению Дмитрия Сергеевича, «ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Русская литература — совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, действительностью, сознанием ценности человека самого по себе, русская литература (проза, поэзия, драматургия) — это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность»³⁰. Предназначение литературы выражается в способности быть внутренне-созидательным началом создания духовного мира человека, началом, к которому «мы всегда можем обратиться за духовной помощью»³¹.

Свои нравственно-просветительские идеи Дмитрий Сергеевич реализовывал на практике, в первую очередь, в соответствующих **издательских проектах**. В 1969 году вышел том в книжной серии «Библиотека всемирной литературы», посвященный древнерусской литературе «Изборник»³². Интересная новация этого издания заключалась в том, что, как пишет сотрудник ИРЛИ Н. В. Поньрко, в «нем впервые было предложено

²⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: ИНИОН РАН, Интелвак, 2001, стб. 822.

²⁸ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 190.

²⁹ Лихачев Д. С. Вечно живая классика // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 317.

³⁰ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 205.

³¹ Там же.

³² Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М.: Худож. лит., 1969. (Б-ка всемирной литературы. Сер. первая; Т. 15).

издавать тексты билингвой, когда на левых нечетных страницах издания вы читали оригинальный древнерусский текст, а на правых — его перевод на современный русский язык. Это была первая ласточка, которая определила судьбу последующих изданий»³³. В этом примере хорошо просматривается постоянное стремление Лихачева сделать памятники культуры, результаты научных исследований, да и просто важные идеи максимально доступными широкой аудитории.

Популяризацию же древнерусского литературного и культурного наследия он считал делом своей личной, персональной ответственности. В одном только 1986 году вышло 8 различных изданий «Слова...», подготовленных при участии (перевод, редактирование, вступительные статьи) Дмитрия Сергеевича, и несколько статей об этом выдающемся произведении древности самого Лихачева. Великая заслуга академика перед Россией заключается не только в том, что он поднял на следующую ступень развития академическую научную школу медиевистики, но и в предании древнерусскому литературному наследию новой жизни в сознании современных ему поколений соотечественников. Во многом благодаря Лихачеву страна переосмыслила, иначе осознала ценность и величие своих древних культурных корней. Его переводы и комментарии к произведениям древнерусской литературы («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и многие другие) приблизили к нам далекий мир древности, ввели читателя в пространство чувствований и переживаний средневекового русича.

В конце 1970-х годов Дмитрий Сергеевич предложил издавать книжную серию «Памятники литературы Древней Руси». Всего было задумано 12 томов, и последний из них вышел в 1994 году. Эта серия была удостоена Государственной премии. А Лихачевым был предложен уже 20-томный проект «Библиотеки литературы Древней Руси», который, по словам Н. В. Понырко, мыслился как книжная серия «для всех россиян как для научного сообщества, и любой исследователь может сослаться на это издание, имеющее также научный комментарий. Но это издание рассчитано и на людей, не связанных с наукой, именно для них и существует перевод на современный русский язык. <...> Дмитрий Сергеевич надеялся, что эта серия будет еще и обучать читателя, который не в состоянии обойтись без правой страницы с переводом. Читатель, в котором еще существует генетическое ощущение языка, при подсказке этих правых страниц очень легко начинает понимать древнерусскую речь, сопоставляя тексты, оригинал и его перевод. И эта подсказка воспитывает ощущение человека в истории и возможность восприятия этих произведений совершенно на другом уровне»³⁴.

Представляется немаловажным **обратиться к пониманию Лихачевым особенностей развития национальных образовательно-просветительных традиций в России.** Размышляя над проблемами развития страны, ученый отмечает, что при несомненном подъеме искусства, архитектуры, фольклора Русь до XIX века явно отставала от западных стран в сфере науки и философии, «в западном смысле этого слова»³⁵. Причину тому ученый видит в слишком долгом «отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования»³⁶. Отсюда, по Лихачеву, и «многие отрицательные явления в русской жизни. Созданный в XIX и XX веках университетски образованный слой общества оказался слишком тонким. К тому же этот университетски образованный слой не сумел возбудить к себе необходимого уважения. Пронизавшее русское общество народничество, преклонение перед народом, способствовало падению авторитета. Народ,

³³ Понырко Н. В. Д. С. Лихачев — научный вдохновитель и издатель книжной серии «Библиотека литературы Древней Руси» // Образование в процессе гуманизации современного мира: IV Международные Лихачевские научные чтения, 20–21 мая 2004 г. / СПбГУП. СПб., 2004. С. 20.

³⁴ Там же.

³⁵ Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 206.

³⁶ Там же.

принадлежавший к иному типу культуры, увидел в университетской интеллигенции что-то ложное, нечто себе чужое и даже враждебное»³⁷.

Ученый раскрывает здесь важный в просветительском контексте аспект — противоречие между наукой как формой отвлеченного знания, как видом деятельности, требующей образованности, критичности, независимости, в конечном счете, индивидуальности (вспомним его понимание интеллигентности) и живым обыденным знанием, бытующим в народных массах. Трудности демократизации науки, распространения знаний в обществе мучительно переживались классической русской интеллигенцией рубежа XIX–XX веков. Заботясь о просвещении масс, интеллигенция стремилась распространять научные знания в обществе таким образом, чтобы ясность и доступность изложения приводили к глубине и точности постижения, но результаты не всегда обнадеживали.

Сам Д. С. Лихачев способ снятия этого противоречия видел в **синтезе научных и просветительских начал**, когда знание выступает одновременно и как результат научных исканий Истины, и как потребность донести ее до массового сознания. Характерно, что его «Текстология»³⁸ была издана в начале 1960-х годов в двух вариантах: фундаментальной монографии для специалистов и научно-популярного очерка. Другой фундаментальный научный труд Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», опубликованный в 1967 году³⁹, «стали читать все интеллигентные люди нашего времени»⁴⁰. Н. В. Поньрко отмечает, что это «был своего рода интеллектуальный бестселлер. Ее цитировали, потому что этот академический труд был написан прекрасным языком и с точки зрения человека, глядящего из современности в прошлое»⁴¹.

Манера письма, стиль в немалой степени способствовали популяризации идей Дмитрия Сергеевича. Об этом хорошо пишет А. А. Гусейнов в комментариях к избранным трудам Д. С. Лихачева по русской и мировой культуре: «ясность языка, еще больше свободная, эссеистская манера рассуждения. Автор часто апеллирует к личным наблюдениям, к конкретным узнаваемым фактам и произведениям, непринужденно переходит от предмета к предмету; он пишет так, будто ведет необязательную беседу. Вся эта мозаика на первый взгляд случайных фактов, воспоминаний, ассоциаций складывается в стройную картину, организованную вокруг определенной идеи, в результате чего последняя предстает не в голом виде последовательного логического рассуждения, а в качестве одухотворяющей основы самой жизни. И все-таки особая привлекательность и злободневность текстов заключена не в их эстетическом строе, не в стиле и манере, а в содержании идей. Лихачев говорит вещи, которые не могут не волновать думающего человека, интересующегося русской культурой. И говорит так, словно хочет прояснить читателю то, что тот сам смутно чувствует. И задача читателя в этом случае скорее распознать истину, чем узнать ее»⁴².

Характерно, что **труды Д. С. Лихачева, посвященные русскому языку, включают не только лингвистический, но и просветительский аспект**. Известна активность академика, с которой он страстно выступал в защиту чистоты русского языка, разъясняя своим читателям языковые нормы, объясняя происхождение слов и их первоначальные значения, помогая понять важность правильной речи и литературного письма. Язык, по Лихачеву, — это «самая большая ценность народа <...> Это надо понять досконально, во

³⁷ Там же. С. 206–207.

³⁸ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962; Текстология: краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964.

³⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967.

⁴⁰ Поньрко Н. В. Указ. соч. С. 20.

⁴¹ Там же.

⁴² Гусейнов А. А. Культурология Дмитрия Лихачева: коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре» / А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; СПбГУП. СПб., 2006. С. 28–29.

всей многозначности и многозначительности этого факта»⁴³. Тысячелетняя история литературы и письменности превращает языковую память в мощную нравственную и просветительскую силу. Однако выразительный потенциал языка может обедняться, язык — упрощаться и даже сознательно искажаться. И тогда на первый план выходит необходимость повышения языковой культуры.

В работе «О языке устном и письменном, старом и новом» Дмитрий Сергеевич формулирует требования к научному тексту, озаглавленные им «О хорошем языке научной работы». Позволим себе привести некоторые из них:

Хороший язык научной работы не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена.

— Главное достоинство научного языка — ясность.

— Другое достоинство научного языка — легкость, краткость, свобода переходов от предложения к предложению, простота.

— Придаточных предложений должно быть мало. Фразы должны быть короткие, переход от одной фразы к другой логическим и естественным, «незамечаемым».

— Каждую написанную фразу следует проверять на слух; надо прочитывать написанное вслух для себя.

— Следует поменьше употреблять местоимения, заставляющие думать, к чему они относятся, что они «заменили».

— Не следует бояться повторов, механически от них избавляться. То или иное понятие должно называться одним словом (слово в научном языке — всегда термин). Избегайте только тех повторов, которые приходят от бедности языка⁴⁴.

В проблематике языковой культуры Дмитрия Сергеевича особо волновало явление, названное им «психологией сознательной порчи языка». В 1964 году увидела свет его статья «Арготические слова профессиональной речи», написанная еще в 1938 году⁴⁵. В ней ученый объясняет появление экспрессивных выражений в языке тех или иных профессий. Длительная пауза между написанием работы и ее публикацией огорчала Лихачева в первую очередь тем, что положения статьи «не используются практически в воспитательной работе. На нее как-то не обратили внимания, а я сам придаю ей серьезное значение»⁴⁶.

Приведем интересный эпизод из жизни Пушкинского Дома. О. В. Панченко вспоминал, что когда он впервые вошел в Отдел древнерусской литературы в 1988 году, то на доске объявлений увидел лихачевский приказ со списком запрещаемых для употребления в «Трудах Отдела древнерусской литературы» слов и выражений. В нем значились: «абсолютно», «уникально», «впечатляющий», «волнительно», «сказать ниже», «информация» и др. Сотрудникам предлагалось список дополнять. Среди слов, добавленных в «Список Лихачева» его коллегами, оказались: «судьбоносный», «потрясающий», «практически невозможно», «обговорить», «задумка», «морально-нравственный» и др. Рядом с этим приказом висело еще одно «распоряжение», в котором Дмитрий Сергеевич в шуточно-назидательном тоне рекомендовал своим сотрудникам посетить выставку Казимира Малевича в Русском музее⁴⁷.

По существу **просветительство стало личным стилем жизни Д. С. Лихачева**. Для реализации этой миссии ему совсем не обязательна была многомиллионная аудитория.

В ряде случаев **просветительская миссия Лихачева реализовывалась в ходе конфликта с властями**, когда ученый боролся с губительными для культуры невежественными решениями. Оппонируя авторам проекта «реконструкции»

⁴³ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом // Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 355.

⁴⁴ Там же. С. 357.

⁴⁵ См.: Лихачев Д. С. Статьи разных лет. Тверь: Тверское обл. отд-ние Российского фонда культуры, 1993. С. 95–138.

⁴⁶ Лихачев Д. С. О языке устном и письменном, старом и новом. С. 367.

⁴⁷ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 237–239.

Екатерининского парка, Лихачев писал, что этот проект «губителен и беспомощен даже с чисто архитектурной точки зрения <...>. Нельзя и бессмысленно возвращать парк к одному какому-либо периоду: петровскому, елизаветинскому, екатерининскому...» Ибо в итоге утрачивается то, что Лихачев назвал «мемориальной достоверностью»⁴⁸. Д. А. Гранин вспоминает: «В 60-е годы возникла идея перестройки Невского проспекта. <...> Перестройка была намечена основательная. Нижние этажи всех домов предлагалось соединить в одну общую витрину, создать особое пространство, сделать его пешеходной зоной. <...> Дмитрий Сергеевич выступил с речью. Это была блестящая речь. Он доказал, что перестройка Невского губительна для всей культуры. <...> Так начались его выступления — в защиту Екатерининского парка в Пушкине, Петергофского парка. С тех пор он стал препятствием для ленинградских властей, для всех невежественных, корыстных проектов. Вокруг него объединялась общественность»⁴⁹.

Добиваться успеха удавалось не всегда. Д. С. Лихачев рассказывал об ущербе, нанесенном Невскому проспекту: «Портик Руска очень важен именно на этом месте, потому что он прямой перспективой связан с портиком Русского музея, что в этом и был градостроительный замысел Руска. <...> Через некоторое время портик Руска был разрушен (под предлогом строительства станции метро. — *Прим. авт.*), а на все последующие недоумения главный архитектор отвечал: “А мы его и не разрушали. Мы его разобрали, мы его и восстановим”. И действительно — восстановили... <...> Внешне он как будто бы такой же, а все-таки колонны не те. Кроме того, портик отнесен на несколько метров назад, и это уже меняет перспективу: исчезло противостояние Русскому музею. Вторжение в сложившийся архитектурный ансамбль нанесло ущерб Невскому проспекту. <...> Вроде бы горький опыт должен был бы научить нас бережно относиться к культуре прошлого, к природе беречь малый мир и большой мир, в которых мы живем и которые теснейшим образом взаимосвязаны. И вроде бы он чему-то научил нас... Но — научил ли?»⁵⁰ Власть училась плохо, а вот интеллигенция сплывалась вокруг Дмитрия Сергеевича.

Практическая направленность просветительской деятельности была характерна для Д. С. Лихачева с первых шагов в науке. В далекие 1940-е годы, в блокадное время, преодолевая невероятные лишения, ученый занимается научно-просветительской работой. Осенью 1942 года вышла книга, написанная им в соавторстве с археологом М. А. Тихановой для солдат, находящихся в окопах. Лихачев вспоминал: «мы отправились в Смольный. <...> В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сытый вид. Нас приняла женщина. Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказывала нам с каким-то феноменально быстрым сроком. <...> Мы согласились. И в мае (1942 г. — *Прим. авт.*) наша книжка “Оборона древнерусских городов” была готова. <...> Писалось, помню, хорошо — дистрофия на работе мозга не сказывалась»⁵¹.

Большое просветительское значение имели **публичные выступления Д. С. Лихачева в прессе, на радио и телевидении**. Они по-своему дополняли такие его печатные труды, как «Письма о добром», «Заметки о русском» и другие работы, направленные, прежде всего, на восстановление деформированного революцией и последующей сменой социально-экономических формаций процесса культурной преемственности поколений. Разумеется, адресатом лихачевской деятельности по укреплению национальных культурных корней, приобщению к традициям прошлого было в первую очередь молодое

⁴⁸ Лихачев Д. С. «Аллеи древних лип...» // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 649.

⁴⁹ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 215.

⁵⁰ Лихачев Д. С. Тревоги совести // Лихачев Д. С. Я вспоминаю. С. 130–131.

⁵¹ Лихачев Д. С. Избранное: Воспоминания. 2-е изд. СПб.: Logos, 2000. С. 504. Позже Д. С. Лихачев напишет: «С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня “современное звучание”. <...> Рассказы летописей как бы определяли размеры ленинградских событий. И мне стало ясно, что напомнить историю осад древнерусских городов остро необходимо. Это было ясно и М. А. Тихановой». (Лихачев Д. С. Послесловие к брошюре 1942 года // Лихачев Д. С. Я вспоминаю. С. 98, 102).

поколение. Однако деформации процесса культурной преемственности затронули многие поколения. Поэтому Лихачеву приходилось обращаться практически ко всем: и к юношеству, впервые обдумывающему проблемы вечных ценностей и истин, и к умудренным опытом людям, анализирующим прожитое. Многим из его слушателей передавались представления о богатстве и красоте русской духовности через краткие рассказы-собеседования о сюжетах, образах, памятниках отечественной истории, о запомнившихся эпизодах и событиях личной жизни Дмитрия Сергеевича.

Даниил Гранин вспоминает: «Благодаря телевидению Лихачев стал широко известен. Он вводил нас в мир высокой русской культуры и полузабытых ценностей жизни. Это была душевная среда, пронизанная деликатностью, учтивостью, которые стали неотъемлемым правилом его собственного поведения»⁵². Этим во многом объяснялись личная популярность и общественная востребованность академика, особенно в «смутное» время на рубеже 1980–1990-х годов: «Органичность и открытость его публичного поведения были столь велики, что незнакомым людям, естественно, приходила в голову мысль обращаться к нему по самым разным поводам, далеким от древнерусской литературы»⁵³.

Значительный отклик в то время вызвала лихачевская идея «экологии культуры», породившая соответствующее движение⁵⁴. Один из его активистов М. Г. Талалай впоследствии вспоминал: «Красный томик Лихачева со статьями о русской культуре, ходивший по рукам, был изрядно потрепан: надобно было писать множество воззваний, обращений, и за верным выражением часто обращались к основополагающей статье. Но, пожалуй, томик служил не как цитатник, а как пособие по стилистике, справочник по вежливым формам поведения»⁵⁵.

Просветительские устремления Лихачева неотделимы от его размышлений о смысле и предназначении русской интеллигенции. **Образ интеллигента**, воссоздаваемый Дмитрием Сергеевичем в его трудах и устных выступлениях, безусловно, **был его личным идеалом просветителя**.

Очевидно, что академика правомерно считать продолжателем традиции отечественного просветительства, которое всегда сопровождалось мучительными духовными поисками и было согрето теплом живой человечности. Знание в этой традиции подвергалось нравственной оценке и рассматривалось в контексте Добра и Зла: не просто Разум, а добрый Разум, не просто знание и осведомленность, а знание ради добра, знание, несущее в себе ценностную компоненту. Закономерно, что одна из его главных книг называется «Письма о добром»⁵⁶.

Эта сторона деятельности ученого была осмыслена профессором СПбГУП А. В. Соколовым в недавней монографии «Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории». На основании обращения к научному и публицистическому наследию академика Аркадий Васильевич предлагает включить в компоненты модели идеального русского интеллигента «по эскизу академика Лихачева» этическое самоопределение: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти⁵⁷.

Этическое самоопределение, духовно-нравственная составляющая определяет не только смысл и направленность лихачевского просветительства, но и шире — его

⁵² Гранин Д. А. Один из последних // Гранин Д. А. Тайный знак Петербурга. СПб., 2002. С. 335.

⁵³ Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 241.

⁵⁴ Там же. С. 217.

⁵⁵ Там же. С. 218.

⁵⁶ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб.: Logos, 2006.

⁵⁷ Соколов А. В. Указ. соч. С. 332.

научную методологию, суть философско-культурологических воззрений, в которых нравственная доминанта занимает ключевое место.

Среди просветительских задач, которые ставил перед собой Дмитрий Сергеевич, необходимо упомянуть и утверждение в общественном сознании принципа **толерантности**, терпимости, особенно — по отношению к иной культуре. Нам нечего бояться всемирного взгляда на природу и человека, искусство и культуру. «Сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн»⁵⁸, — писал он в «Декларации прав культуры». Касаясь проблемы религиозного образования в светской школе, ученый высказывает мысль, что «всякое деление по какому-нибудь признаку таит в себе очень большую опасность роста вражды на этой почве. Поэтому представить себе класс в школе, в котором часть учеников будет заниматься Законом Божиим православным, а часть, скажем, Кораном и магометанством, — трудно. Это даст новый повод для разделения и драк в школе. <...> Поэтому преподавание Закона Божия православного, католического, протестантского или ислама — это, конечно, очень важно для воспитания нравственности. Но это должно быть вне стен школы»⁵⁹.

Петербургская тема одна из главных в просветительской деятельности для Д. С. Лихачева. Он заново открывает Петербург современникам, обращая внимание не только на красоту, но и на «душу» города, его особый эмоциональный «климат», уникальность его нравственного значения.

Дмитрий Сергеевич выражает надежду на возвращение культуре города его «европейского характера со всеми европейскими ценностями: личностным характером, универсализмом, восприимчивостью к другим культурам, терпимостью к чужим убеждениям, свободой, открытым выходом в Европу и свободным входом к нам»⁶⁰. «Петербургские тексты» Лихачева в силу своего уникального просветительского потенциала, культурно-образовательного значения и легендарности личности автора оказались чрезвычайно востребованы. В частности, предисловиями ученого (специально написанными или тематически подобранными публикаторами) снабжаются многие издания, посвященные истории культуры Санкт-Петербурга⁶¹. Просто, на основе доступных каждому наблюдений и сравнений Лихачев раскрывает многомерность культурной истории Петербурга, ее неоднозначность, неповторимость, «русскость» и «европейскость», блистательность города, где, говоря словами литературоведа и историка культуры И. П. Смирнова, «страдание стало каждодневной историей»⁶².

Следует заключить, что Д. С. Лихачеву очевидно принадлежит **особое место в истории русской просветительской деятельности**. Уход Дмитрия Сергеевича из жизни — это множественная утрата для общества. Но, думается, наиболее болезненно страна ощущает сегодня отсутствие Просветителя лихачевского масштаба.

⁵⁸ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 392.

⁵⁹ Лихачев Д. С. Всякая образованность создается чтением и книгами // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / СПбГУП. СПб., 2006. С. 74.

⁶⁰ Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 183.

⁶¹ См., например: Петербург. Художественная жизнь. 1900–1916: фотолетопись. СПб.: Искусство-СПб., 2001. [Вступ. ст. Д. С. Лихачева «О петербургской культуре начала XX века»].

⁶² Дмитрий Лихачев и его эпоха. С. 211.